

РОССИЙСКИЙ ВЗГЛЯД на воспитание

Андрей Остапенко,

*профессор Кубанского государственного педагогического университета,
доктор педагогических наук*

Темыр Хагуров,

профессор, доктор социологических наук

Прошло два с половиной года с той поры, как первые лица государства высказались о стратегических путях национального воспитания. Напомним, Президент В. Путин ратовал тогда за «общероссийский патриотизм» и приводил в пример советскую ситуацию межэтнического согласия и мира, основанную на идее интернациональной дружбы. Председатель Правительства Д. Медведев говорил о том, что нам не нужно стесняться учиться толерантности у американцев.

Нам же не оставалось ничего, кроме как сокрушаться по поводу ситуации, в которой оказались замы по воспитательной работе в отношении ключевого стратегического вопроса национального воспитания¹.

С тех пор изменился мир, произошла рокировка тандема. А бедные замы по воспитательной работе по-прежнему на мировоззренческом распутье: то ли межэтническую толерантность воспитывать, то ли интернациональную дружбу возрождать. То ли насаждать «общечеловеческие ценности», то ли возвращаться к «общероссийскому патриотизму».

¹ Остапенко А. Тупики национального воспитания. Как их преодолеть? // Народное образование. 2011. № 1. С. 34–38; Остапенко А. Будем ли дальше воспитывать «окамененное нечувствие»? // Воспитательная работа в школе. 2011. № 1. С. 5–10; Остапенко А. О путях и тупиках воспитания // Переправа. Журнал о душе и для души. 2011. № 2. С. 42–45.

А тут ещё в мировоззренческую дискуссию о ценностях воспитания начал вмешиваться... Китай. Да, да, Китай! А не считается сегодня со стремительно растущим Китаем, мягко говоря, неразумно. С глобализацией по-китайски придётся считаться всем. Претензия Китая на то, чтобы продвигать свои ценности в остальной мир, громко заявлена.

11 января главная китайская газета «Жэньминь жибао» публикует программную статью «Китайская модель разрушает гегемонию «общечеловеческих ценностей», которая начинается так: «Исторически мечтой западной цивилизации было торжество общечеловеческих ценностей в их западном понимании, мечтой китайской цивилизации — «великое единение» Да Тун. В нашу эпоху мир нуждается в китайских ценностях, потому что именно в них общечеловеческие ценности нашли своё полное выражение». И далее: «Современная глобализация — это, по сути, распространение на весь мир западного строя, западной духовной и материальной культуры. А нам нужна глобализация иного порядка, глобализация

системы ценностей, которая будет в рамках всего мира равно уважать и выражать все существующие культуры, подходы и модели развития, полностью отражать всё многообразие и богатство различных цивилизаций». И называет глобализацию по-китайски «реглобализацией».

Одновременно выходит статья сотрудника Китайского института современных международных отношений Сунь Жунь «Китай берёт курс на «новый интернационализм». Она начинается так: «В прошлом знамя интернационализма было высоко поднято во внешней политике нового Китая. Однако за тридцать с лишним лет с начала политики реформ и открытости идеологическая составляющая внешней политики ушла на второй план. Во главе угла оказались непосредственно государственные интересы, и знамя интернационализма поникло. Но сейчас пришло время взять в узду погоню за прибылью и выровнять баланс между материальными и духовными нуждами. Объявление курса на «новый интернационализм» во внешней политике явно свидетельствует о том, что наступает расцвет системы китайских ценностей». Новую стратегию автор понимает так: «Суть «нового интернационализма» в том, что Китаю надо брать на себя большую международную ответственность, по мере сил предоставлять ещё большую помощь развивающимся странам, прикладывать ещё больше усилий для сохранения стабильного мирового правопорядка, исполнять ещё больше обязательств и стремиться направить развитие международного порядка в справедливое и рациональное русло. В то же время переход к политике «нового интернационализма» означает, что ради защиты общих интересов всего человечества китайский народ готов пойти и на возможные жертвы».

Китай заговорил о жертвенности. Как только жертвенность объявляется сутью воспитательной стратегии, народ страны становится непобедимым. Если страна заявляет о собственной мировоззренческой стратегии и претендует на её всемирную значимость, она может быстро войти в мировой авангард. Если руководство страны проповедует подражательную тактику, страна неизбежно будет на вторых ролях.

Продолжая дискуссию о выборе воспитательной стратегии между толерантностью и интернационализмом, признаем, что мы опоздали.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Обе эти мировоззренческие ниши заняты Америкой и Китаем. Если же мы будем настаивать на «общероссийском патриотизме», то эта идея всероссийская, а не всемирная. И тогда она вторична в сравнении с американской и китайской.

Надо помнить, что Россия была интересна миру только тогда, когда она предлагала своё непохожее вселенское, всеединое, соборное, общее дело и мировоззрение, на котором и выстраивала свою воспитательную стратегию, основанную на мессианстве, жертвенности и справедливости. А затем предлагала её миру. Тогда она была мировым лидером. Как только она занимала подражательную позицию, она становилась аутсайдером.

В чём особенность России и русского² пути?

И какова стратегия национального воспитания? Разумеется, в короткой статье ответить полно невозможно, но выскажем несколько принципиальных замечаний.

Начнём с того, что не стоит преувеличивать и драматизировать нашу особенность. Россию иногда называют Евразийской цивилизацией, подчёркивая, что она особым образом соединила в себе Европу и Азию. Это верно, но лишь отчасти. В собственно культурном плане, то есть в том, что касается внутреннего содержания жизни (смыслов, ценностей и идеалов), Россия относится к восточной (византийской) ветви Средиземноморской цивилизации, построенной на соединении греко-римской античности и христианства. Православие, воспринятое Россией у Византии и положенное в основание российской государственности в виде формулы «Москва — Третий Рим», во многом иначе, чем католицизм

² «Русский» в этом случае используется не в этническом, а в культурном значении, в том, о котором американцы говорят Russians.

А. Остапенко, Т. Хагуров. **Российский взгляд на воспитание**

или протестантизм трактует вопросы духовной жизни. Но и то, и другое, и третье — христианство. Иными словами, Россия и Запад имеют общий культурный корень: эстетические, интеллектуальные и духовные ценности, преломляемые и понимаемые, разумеется, зачастую по-разному.

Другое дело — Азия. Нас с ней роднит многое, но не самое сущностное. От Азии Россия переняла многие политические и социальные формы, закрепившиеся в период монгольского владычества, но в ценностном и смысловом плане мы отличаемся от Азии гораздо сильнее, чем от Европы. И ещё одно важное отличие России и от Европы, и от Азии. Будучи православной по духу культуры и политики, Россия сумела чудесным образом соединить в себе симфонию народов и религий. Русский ислам и русский буддизм внесли свои непохожие лепестки в российское соцветие народов и верований. Такого не знала Европа, рождавшая свой модерн в пламени кровавых религиозных войн. Не знала и Азия, равнодушно взирающая на бесконечное множество любых богов.

Своеобразие российской духовной культуры и той вести, которую несла миру Россия, связано с православием. Однако, вот парадокс, наиболее сильным наше влияние на мировую политику и культуру было в XIX—XX вв., времени, казалось бы, упадка православной культуры. В XIX веке Россию настигает то, с чем Европа столкнулась одним-двумя столетиями раньше, — секуляризация, обмирщение государственной и общественной жизни. А как же «православие, самодержавие, народность»? Давайте почитаем, что пишут о православной жизни величайшие русские святые XIX века — святители Игнатий Брянчанинов и Феофан Затворник. Оба единодушно говорят о кризисе подлинной религиозности, вырождающейся в обрядоверие, когда культ (внешняя форма) подменяет собой суть (состояние души). Об этом же писали русские классики, к примеру, Н.С. Лесков в «Соборниках».

Но у российской секуляризации есть принципиальное отличие от западной. Отличие, в ко-

тором в новейшее время и проявилась та особость нашего пути, которая позволяет России до сих пор и в нынешнем крайне тяжёлом положении сохранять потенциал возрождения и глубокого влияния на судьбы мира. Когда в Европе, говоря словами Ф. Ницше, «Бог умер», то в качестве главного регулятора жизни на смену заповедям Божьим пришёл закон. А на смену ценностям Царства Небесного — ценности комфорта и счастья. А главным условием достижения счастья и следования закону стал разум. Это — европейский модерн, дитя Возрождения и Просвещения, Реформации и борьбы за религиозную свободу, подчинившийся в итоге его величеству рынку. Рыночные ценности комфорта и благополучия, успеха и богатства стали источником величия и слабости Запада, который в XIX веке стал стремительно терять потребность сопричастности высшему, горнему миру.

Иное дело — Россия. Когда живой голос православия почти затих в мертвенной пышности формализованного культа, ни закон, ни разум, ни комфорт не стали для России путеводными звёздами. «И в этом все её беды», — восклицали наши западники и тогда и сейчас. Не торопитесь, всё гораздо глубже. Народ, воспитанный православием, хорошо понимал всю ограниченность этих новых блестящих западных богов: несовершенство и человекоугодливость закона³, суету и бессилие разума перед конечными вопросами бытия⁴ и, наконец, всю тщету комфорта, который не мог спасти безутешного одинокого человека от скуки и тоски смерти⁵. Ведущим регулятором жизни в России стала культура.

³ В XIX—XX вв. для крупнейших представителей западной социологии К. Маркса, Г. Зиммеля, Р. Мертона, Ч.Р. Милза и многих-многих других социальная несправедливость в условиях попустительства закона стала центральной темой исследований.

⁴ Неслучайно XIX век — век позитивизма и веры в разум заканчивается триумфом иррационализма в философии (А. Шопенгауэр, Э. Фрейд, Ф. Ницше) и литературе (Л.-Ф. Селин, Ф. Кафка и др.).

⁵ Статистика самоубийств среди состоятельных слоев населения начиная с середины XIX века наглядно свидетельствует об этом.

Наш XIX век — век всемирного торжества величественной русской культуры во всех её сферах — музыке, балете, театре, живописи. А во главе всего этого великая русская классическая литература как авангард духовного и культурного развития страны. XIX век был веком литературы. При этом литературу ни сами авторы, ни читатели не рассматривали как развлечение. Она была учебником жизни, а русские писатели — учителями.

В то время как в Европе бурно развивались социология и психология, в России их развитие было весьма скромным. И это неудивительно, наша литература сумела соединить невозможное — художественные средства познания человеческой души с вполне научной глубиной и тщательностью этого познания. Пушкина, Достоевского, Тургенева, Толстого и других наших классиков изучают во всём мире, ибо в мире культуры трудно найти что-то более самообытное и не похожее на западные модели.

Итак, в XIX веке русскую весть миру несла наша литература. Что это была за весть? Это был обмирщённый вариант православия. Кто-то метко назвал русскую литературу религией второй заповеди — любви к ближнему. Когда мы вслед за европейцами потеряли Бога, у нас осталась любовь к ближнему (а не к себе любимому) и тоска по Богу. Эти два мотива — сострадание к человеку и тоска по высшему смыслу стали центральными для наших классиков.

Не может человек жить ради своего комфорта, когда ближнему плохо, а ближний — это всякий человек, ибо все мы, люди, — одна семья. Эту простую и великую мысль повторяли все русские классики в своих произведениях. Именно этот колокол «разбудил Россию». С теми же вопросами, с какими русская интеллигенция читала «Бедных людей» и «Униженных и оскорблённых» Достоевского, она и перешла к Марксу. И поняла его весьма по-своему, в духе Достоевского. Русский коммунизм — это потрясающий сплав православных корней, литературного содержания и воспитанных на этом народных чаяний, выраженный на марксистском языке. И русский коммунизм стал вслед за литературой русской вестью миру. И ведь мир слышал эту весть.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Сейчас, когда революция 1917 года становится объектом ожесточённых идеологических атак, интересно посмотреть, какой её видела русская литература. Есть два полярных литературных «зеркала» русской революции. Одно из них — булгаковское «Собачье сердце», так полюбившееся нашей интеллигенции.

М.А. Булгаков увидел в революции бунт быдла (Шариков, Швондер и иже с ними) против культуры (профессор Преображенский). Что ж, подобное есть в любой революции, ибо она неизбежно поднимает со дна социальную муть. Скажем лишь, что Филипп Филиппыч Преображенский — отнюдь не дитя русской культуры. Профессор — типичный западник, человек, любящий комфорт, зарабатывающий большие деньги косметическими операциями и абортными (да, да, перечитайте, если не верите) и отказывающийся отдать одну комнату из семи для «уплотнения». Словно не зная, что в эти «уплотнённые» комнаты людей переселяли из подвалов и барачков — вспомнил бы «Детей подземелья» Короленко или «Мальчика у Христа на ёлке» Достоевского. Для него детей подвалов просто не было. Ну, да Бог с ним, профессором. Всё-таки любимый многими герой.

Но есть у русской революции и другое «зеркало» — «Как закалялась сталь» Н.А. Островского. Павка Корчагин, вполне по-евангельски готовый в любой момент «положить душу свою», — это тот герой, которому народ поверил и пошёл за советской властью. Павка — человек мечты, русский человек, переставший быть лишним и радостно сгорающий в служении этой мечте. О чём была мечта? Мечта, о которой в политике рассказали миру Ленин и Сталин, а в литературе М.А. Шолохов и А.П. Гайдар, А.Р. Беляев и И.А. Ефремов. Мечта, в стремлении к которой вчерашние беспризорники колонии А.С. Макаренки, читая романы Горького, становились врачами и инженерами. Мечта, в схватке за которую мы жертвенно остановили фашизм.

А. Остапенко, Т. Хагуров. **Российский взгляд на воспитание**

Эта была мечта всё о том же смысле и милосердии, о том, что можно построить такое общество, где люди будут любить и уважать друг друга и жить не ради чрева, а ради Духа. Общество, где свободное развитие каждого станет условием свободного развития всех. Как затащали потом эту глубокую идею! Общество, где люди будут жить в скромных квартирах и ездить на общественном транспорте, но у них будут прекрасные школы, музеи и библиотеки, где они будут часто бывать. Общество, где уважают любой честный труд, и есть знатные крестьяне и рабочие, которые могут отдыхать на одних курортах с академиками и генералами. И такое общество было. Оно не было совершенным и имело множество недостатков. Но в нём знали, что человека надо уважать за его моральные и трудовые заслуги, а не за деньги. Ибо деньги, по словам Достоевского, — «самый лёгкий способ поставить ничтожество в первый ряд». В этом обществе впервые человек поднялся в космос. В нём дети не боялись гулять вечером во дворе дома и мечтали стать космонавтами и учёными, а не телезвездами и олигархами⁶. Это общество в какой-то момент утратило свою мечту. Эта произошла не просто и не сразу, но произошла. Отчасти в этом виноваты его враги, отчасти оно само. Но этого общества больше нет.

А в мире всё острее встаёт вопрос о ресурсах. Западное общество потребления пожирает планету стремительно, мировые державы готовы на всё, чтобы сохранить статус-кво «богатого Севера» и «бедного Юга». Даже к новой мировой войне. Преувеличиваем? А что тогда происходит в Африке и на Ближнем Востоке? И вот Китай...

⁶ См. результаты исследования: *Сверчков А., Крижанская Ю.* Размышляя над детскими рисунками: мир без будущего // *Суть времени.* Общероссийская политическая газета. 2012. № 2. С. 8–9; *Сверчков А., Крижанская Ю.* Размышляя над детскими рисунками: беспризорики в нашем доме // *Суть времени.* Общероссийская политическая газета. 2012. № 3. С. 8–9; *Сверчков А., Крижанская Ю.* Размышляя над детскими рисунками: с чего начинается Родина? // *Суть времени.* Общероссийская политическая газета. 2012. № 4. С. 8–9.

Будущее у России и мира есть только в том случае, если мир прислушается к русской вести о смысле и милосердии. А чтобы это произошло, нам нужно вновь открыть эту весть миру. И заявить о ней очень громко. Это непросто, почти невозможно в нынешних политических и культурных обстоятельствах. Для этого нужен новый огонь, новый язык, новая жертвенность Корчагиных, а не скепсис Преображенских. Для этого нужно, чтобы русское православие и русский коммунизм примирились и их голоса зазвучали в унисон. Для этого нужно нам всем вспомнить о своих культурных корнях, вспомнить, что не «хлебом единым жив человек», перестать копировать бледненькое блеянье education management, обнуляющее подлинное образование... Для этого необходимо перед нашими детьми поставить рядом христианские и советские образцы и примеры: образы стойкости и мужественности святого Георгия Победоносца и Алексея Маресьева, образы жертвенности и мученичества святого Димитрия Солунского и генерала Карбышева, святых Веры, Надежды, Любви и Зои Космодемьянской, образы служения Отечеству благоверного князя Александра Невского и маршала Г.К. Жукова, благоверного великого князя Димитрия Донского и Павки Корчагина, образы самоотдачи и милосердия великой княгини Елизаветы Фёдоровны, святителя Луки (Войно-Ясенецкого) и медицинских сестёр Великой Отечественной, образы тех, кто достиг высот в просвещении, равноапостольного Николая Японского и А.С. Макаренко, чей 125-летний юбилей так позорно замолчали...

Для этого нужно очень многое, чего сегодня нет. Сумеет ли мы все сообща это создать и возвестить эту новую русскую весть? Вот тот вопрос, который определит то, кем будут наши дети и внуки: подёнными рабочими на американских или китайских заводах (если повезёт), обитателями социального дна (если не очень повезёт) или свободными учёными, инженерами и поэтами свободной и великой страны. Выбор за нами.